

354329

А. П. Ивановъ.

Рекрутчина

ВЪ НИЗОВЬЯХЪ

П е ч о р ы.

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1 9 1 1.

Рекрутчика въ низовьяхъ Печоры.

Посвящаю свѣтлой личности

М. Н. Д.

Авторъ.

Завѣса густой ноябрьской ночи быстро опускается на равнину, небрежно опоясанную лентой тощаго кустарника, торопясь скрыть—растворитъ въ темнотѣ горсть неуклюжихъ деревенскихъ избъ, странно разбросанныхъ вблизи высокаго берега рѣки.

Неслышно, осторожно ложатся лохматая снѣжинки, прикрывая любовно, съ заботливостью домовитаго хозяина, многочисленные „продухи“ (щели) домовъ, пряча и другіе недочеты деревенской архитектуры.

Кончился трудовой день. Забрался на полаты измаявшійся мужикъ. Спать улица, истерзанная дневнымъ постояннымъ взвизгиваніемъ полозьевъ, и скрипомъ тяжелыхъ шаговъ.

Все работающее отдыхаетъ теперь, пользуется неотъемлемымъ правомъ... Тишина...

Но вдругъ эта ткань всеобщаго спокойствія жестоко разрывается ворвавшейся въ промежутки домовъ, Богъ вѣсть откуда взявшейся, какой-то шершавой, неприятно рѣзущей слухъ безшабашной пьяной мелодіей. Разудалая пѣсна такая же нелѣпая, какъ и аккомпанирующая ей хриплая гармоника, скачетъ, растетъ и, наконецъ, утомленная, замираетъ, окончившись полустеричными выкриками, возрожденными еще на мгновение пустотой мертвой окрестности.

То рекруты справляютъ свои „последніе денечки“. Старики и старухи, отцы и матери давнымъ давно спятъ, легонько похрапывая, спятъ, предоставивъ полную волю сыновьямъ-рекрутамъ.

Пускай погуляютъ: вѣдь стѣнвые.

Пускай погуляютъ: вѣдь недалеко тотъ мигъ, когда придется расстаться съ насыщеннымъ, уютнымъ гнѣздомъ, когда порвется круто и жестоко тѣсная свя зь съ оставшимися звеньями заманчивой цѣпи семейной жизни.

Пускай погуляютъ...

Впрочемъ, такое родительское отношеніе къ „безлеготному“, пропитанное съ излишкомъ своеобразно-любовнымъ снисхожденіемъ, устанавливается въ сферѣ семьи далеко не въ послѣдній, передъ отъѣздомъ въ присутствіе, моментъ, даже далеко не въ послѣдній мѣсяцъ, годъ.

Родительская жалость, теплое сочувствіе отчетливо пронизываютъ красной нитью всю предыдущую жизнь рекрута, всю обстановку ея, включительно до мелочей, зародившись чуть ли не со времени появленія на свѣтъ ви новника всего этого.

Кажется, вмѣстѣ съ радостью о рожденіи новаго члена семьи мальчика, (не первенца) ослѣпительно вспыхиваетъ, какъ полоска магнія и мысль о будущей рекрутчинѣ новорожденнаго. Онъ—мальчикъ, это хорошо, онъ получить пай въ цѣнныхъ семужьихъ тоняхъ, дѣлимыхъ обычно черезъ нѣкоторый періодъ времени, по числу лицъ мужского пола волости. Онъ—будущій работникъ—помощникъ въ тяжелыхъ вешнихъ и осеннихъ низовыхъ рыбныхъ ловляхъ. Но и... будущій стѣнвой. И эта дума о грядущемъ, загорѣвшись такъ ярко, не гаснетъ окончательно, а чадитъ, какъ голова въ печи, постоянно, влияя на всѣ стороны быта деревенской семьи.

Мальчугану 4—5 лѣтъ... Мать, эта чудная здѣшняя женщина, вся жизнь которой сплошное горе, стараясь усыпить „баловника“, влюбленно всматривается въ мягкія черты поленькаго личика и въ полголоса напѣваетъ пѣсенку, ею же самой импровизированную, щедро уснащая эпитетами: моленый, роженный, сухотникъ, прошенный... Врывается въ голову неожиданно, какъ то само собой, и ужасное „стѣнвой“... Легкія судороги пробѣгаютъ по тѣлу, испитое лицо внезапно покрывается облачкомъ грусти, и выцвѣтши, во-

гда-то прекрасные, останавливавшие на себѣ взоры всѣхъ и каждого, глаза мигаютъ часто, часто...

.....8 лѣтъ. Налю въ школу. Безъ грамоты худо быть тамъ, на царской службѣ, не дома вѣдь... Вотъ и солдаты пишутъ, что надо учить...

На шалости сынишки родители смотрятъ сквозь пальцы, за проказы награждаютъ кудри шалуна лишь любовнымъ поглаживаніемъ мозолистой руки...

Съ 14—15 лѣтъ у „безлеготнаго“ длинная цѣпь забубенныхъ товарищей. Приучается курить, „матюкаться“, водку пить. Какъ же безъ всего этого!?

Послѣдній же годъ, передъ принятиемъ на службу, для рекрута, зачастую, сплошной угаръ, почти непрерывная пьяная горячка. Стѣновой окружаютъ стѣной необъятной заботливости, чрезмѣрной, до приторности, угодливости. Почти всѣ желанія „безлеготнаго“, иногда даже далеко не безразличныя въ матеріальномъ смыслѣ, исполняются неукоснительно. Пытаются угадывать мысли его, подсказывать ихъ.

Тяжелыя, обычныя работы не для рекрута. Онъ чаще всего пробавляется около дома—полегче тутъ...

А чуть привѣтливые огоньки, коптящихъ деревенскихъ лампъ станутъ пріятно разрѣзывать густоту темноты—на вечеринки. Героемъ и тутъ, конечно, стѣновой. Пальма первенства въ играхъ и пляскахъ охотно отдается ему своими товарищами. Онъ заливало, онъ верховодитъ всѣмъ. Онъ весь—объектъ вниманія участниковъ. Въ „Казачкѣ“ онъ первый выкрикиваетъ начальную строфу, остальные дружно подхватываютъ. Въ другой плясовой „Ужъ ты прилица—кокорика моя“ рекрутъ первый же начинаетъ незамысловатыя па...

Кончилось. „Ребята, на улицу!“ И веселая ватага станетъ совершать „круговеньки“ (ходить вокругъ деревни) и будить сонное село какойнибудь залихватской пѣсней, богато одобренной, для большей „поэтичности“, отборными русскими словцами. А то зайдутъ куда либо—„въ тепленькое мѣстечко“—выпить... А тамъ и утро и новая задача—какъ провести ближайшей вечеръ.

За мѣсяць-два до отъѣзда начинаются „гостьбы“ рекрута у „родниковъ“. Является и прочая молодежь. И начинается „изліяніе“, прерываемое время отъ времени все тѣми же „Казачками“ да „Чижиками“... Потомъ обычное кождение вокругъ деревни, обычный споръ пѣсни съ шумомъ вьюги...

Гуляютъ дѣти... Заливаютъ тоску горе водкой. А родители, особенно эти удивительныя здѣшнія матери, изсыхаютъ всѣ. Морщины все болѣе и болѣе углубляются и все сильнѣе безобразятъ когда-то красивыя лица.

А умъ, всѣ помыслы, всѣ думы сконцентрировываются исключительно на „стѣновомъ“.

— Возьмутъ его, моего сухотника, тоскуетъ какая либо мать. Возьмутъ обязательно. Этакій рослый да красавецъ, кровь съ молокомъ... Впрочемъ, порой скользнетъ, какъ быстрая молнія, и надежда. Сморщенное лицо неожиданно освѣтится лучемъ радости, искривится широкой улыбкой... Вѣдь двухъ зубовъ нѣтъ у Васи-то; говорятъ, что изъ-за зубовъ признаютъ негоднымъ. Да и нога что то у него начала побаливать недавно. Можетъ быть...

Но также быстро, какъ загорѣлись, тухнуть эти миражи: рассудокъ начнетъ проникать въ эти хитросилетенія чувства и безжалостно разрушать ихъ. Гаснутъ иллюзии, оставляя на сердцѣ осадокъ...

Последние дни—это ужаснейшая, неопишная мука матери. И все то она глядит на любимца, и все то она любит чертами затуманеннаго дорогаго лица. И даже голосъ „безлеготнаго“, не представлявшій ранѣе ничего необычнаго, кажется ей теперь наполненнымъ чудной гармоніей, со-тканнымъ изъ удивительныхъ, по вѣжности, созвучій... А на сердцѣ тяжело-тяжело, что то давить камнемъ и слезы текутъ одна за другой, мелкия, быстрыя, горячія.

Поуспокоится немного, сотретъ грязнымъ рукавомъ сарафана остатки ихъ, застрявшіе въ уголкахъ глазъ, и станетъ прилаживать на дорогу. Завяжетъ въ плагокъ колобоквъ, смазанныхъ обильно рыбьимъ жиромъ, ~~ру-~~б-никовъ, сложить все въ лукошко. Отыщеть припасенную ранѣе платишню, а то и всю десятку, зашьетъ въ тряпочку и къ изнанкѣ—оборотной сторо-нѣ тѣльной рубашки... чтобы не украли .. Найдеть и старинную иконку—мѣдные складни...

Въ путь пора!..

Присѣли, по христіанскому обычаю. Благословляетъ еле держащійся на ногахъ (пьянешенекъ!) отецъ, потомъ она, мать...

Медленно, исподволь копившееся горе ея прорвалось мѣшающимся со слезами безумно-жестокимъ стономъ... Мо...ле-е-е...ный...мо о-о.. запричита-ла она какимъ-то ужаснымъ, часто прерывающимся отъ душившихъ слезъ, голосомъ, трясясь и вздрагивая всѣмъ своимъ измученнымъ невзгодами тѣ-ломъ, вскидывая безпомощно кстлявья, высохшія руки, точно отгоняя отъ себя что-то назойливое и безпощадное. И, наконецъ, обвила шею пѣпко, какъ кошка, прижалась къ плечу головой тоскливо и страстно, все еще без-удержно рыдая и лихорадочно трясьсь...

Любимецъ на улицѣ Падаеть. спотыкаясь на каждомъ шагу, подни-мается, чтобы снова упасть...

А со всѣхъ сторонъ, по периферии, шумно течетъ деревенская масса, направляясь къ центру—„стѣнному“, предмету всеобщей скорби.

Человѣкъ 300—400 (сѣзжаются изъ многихъ окрестныхъ деревень), спаянные горемъ, общей солидарностью, кажутся теперь, совершая тради-ціональные три круговеньки, громаднымъ компактнымъ однороднымъ тѣ-ломъ, которое нервно, судорожно волнуясь, изливаетъ, бросаетъ въ про-странство ноющіе, хватающіе за живое тоскливые и тигучіе звуки, до боли грустные, какъ завываніе осенняго вѣтра, скорбные, какъ похоронное пѣнье*).

*) Привожу рекрутскія пѣсни, сообщенныя мнѣ, главнымъ образомъ, крест. Аб-рамомъ Григорьевичемъ Шальковымъ, которому не могу не принести горячей благодар-ности.

Ихъ то, эти пѣсни, и распѣваетъ толпа, украшая безсчетомъ гласными.

I

Что наскучила
Ему, напрокучила,
Соловеюшку--
Зима студена,
А добру коню--
Ему заметелица,
Коню бездорожца.
Доброму молодцу--
Ему чужа сторона.
Земля неродимая,
Земля нелюбимая,
Что гористая
Земля каменистая;

Что увалиста,
Земля неукатиста.
Я не самъ-отъ, земля,
На тебя зашелъ.
Что не доброй-отъ конь
Меня во сѣдлѣ занесъ.
Занесла то меня
Дѣ призамыкала
Зла злодѣюшка
Нужда крайная,
Нужда крайная--
Служба царская.

Чудныя, настоящія русскія пѣсни, въ которыхъ заключено и горе этой дѣйствительной страдалицы-матери, и острая, безкрайная тоска этихъ окружающихъ, ранѣ казавшихся равнодушными, крестьянскихъ малицъ, и жалоба—мольба рекрута, выбрасываемаго насильно въ пучину невѣдѣнности, пугающей его, жалоба, перепутанная нитями бессознательнаго, безпредметнаго ужаса...

Слитные звуки ширятся, крѣпчаютъ, вьются и, воспринявъ въ себя всю горечь земли, уплываютъ туда, въ высъ, въ небеса...

Теперь, сейчасъ—это не семья какого-либо Сидора „спровожать“ сына, нѣтъ, это вся деревня, какъ одинъ человекъ, отправляетъ своего „сухотника“—„на службу“. Это все крестьянство тоскуетъ, „жалобится“, плачетъ. Да, событие, выходя изъ ограниченнаго семейнаго рамокъ, ста-

II

Что въ палатѣ то было бѣлокаменной,
Бѣлокаменной было, государевой—
Выѣзжалъ то майоръ да полковничекъ,
Вывозилъ то онъ указъ немилостивъ,
Что немил стивъ указъ, не жалостивъ:
Какъ изъ трехъ то сыновъ да во солдаты брать,
Да изъ четырехъ то братьевъ въ казаки писать.
Что у нужнаго, было у бѣднаго,
У крестьянина было небогатаго,
Было три то сына да три хорошіе,
Они бѣлые были, кудреватые
И холосты были, неженатые—
Что въ царскую службу были годіе
„Мнѣ-ка старшаго сына будетъ жаль отдать,
„А средняго сына мнѣ не хочется,
„Ужъ какъ младшему сыну—ему Богъ судилъ,
„Ему Богъ судилъ да во солдатахъ быть,
„Во солдатахъ то быть да все царю служить“.
Что-де меньшій отъ сынъ слезно расплакался,
Отцу съ матушкой приразжалился:
„Я не сынъ—отъ вамъ, вѣрно пасынокъ,
„Я чужой—отъ сусѣдъ, вѣрно сусѣдовъ сынъ“.
Тутъ спроговорилъ родный баюшка:
„Ужъ вы, дѣти, мои дѣти, всѣ любимые.
„Подьте-косъ*), дѣти, вдоль по улицѣ
„Вы зайдите-ка, дѣти, въ нову кузницу,
„Ужъ вы скуйте-ка всѣ да п ножикю,
„Исходите-ка въ мелку рощицу,
„Вы сѣките всѣ по прутюку
„Ужъ вы сѣдлите всѣ по жеребью,
„И снесите-ка на Дунай-рѣчку.
„У котораго жеребей вверхъ рѣки поидеть,
„Знать тому и во солдатахъ быть“.

III

Вдоль по питерской по славной по дорожкѣ.
Туда шли—прошли солдаты молодые,
За ними-то идутъ матушки родныя,
Позади то жены мужни молодыя,
Во слезахъ пути дорожечки не видятъ,
Съ възрыданьца словечка не промолвятъ.
Что спроговорятъ солдаты молодые,
„Вы не плачьте, наши матушки родныя,
„Не рыдайте, жены мужни молодыя,
„Не ходите Вамъ по бѣду свѣту за нами.
„Не смочить вамъ мать-сыру землю слезами,
„Не наполнить сине море горячими.

*) Поидите-ка.

новится общественно бытовымъ явленіемъ, переживаемымъ остро каждымъ крестьяниномъ.

И въ этомъ сочувствіи всякого, желаніи, чѣмъ возможно ознаменовать тягостную минуту, чувствуется своеобразная красота и прелесть здѣшней крестьянской жизни, не утраченныя среди повседневныхъ, нелегкихъ трудовъ изъ-за куска насущнаго хлѣба...

Торжественныя минуты, скорбныя, которыя, кажется, не изгладятся изъ памяти всю жизнь...

Лошади двинулись туда, въ Устьцильму, и пѣсня неожиданно обрывается, какъ колось, безжалостно срѣзанный острой косой...

Толпа на пригоркѣ въ напряженномъ вниманіи — лихорадочно слѣдитъ за удаляющимися силуэтами рекрутовъ, быстро тонущихъ въ туманной, морозной дали.

IV

Еще что-же сине море зачернѣло.
Еще что-же сине море заблѣло.
Зачернѣло сине море кораблями,
Заблѣло сине море парусами.
Не ясенъ соколъ по воздуху летаетъ:
Добрый молодецъ съ квартиры соѣзжаетъ,
Не отецъ, мати въ солдаты спровожаютъ,
Спровожала его красная дѣвица,
Спровожала его, парня, увѣряла:
„Ты когда-когда, належа, назадъ будешь?
„Когда, миленькій, сердечный, воротисься?
„Кабы мнѣ бы, молоденькой, злато, крылья,
„Злато крылья, злато перья все сизое.
„Я взиялась бы, молоденька, полетѣла,
„Гдѣ ка милаго квартира, тутъ бы сѣла,
„Гдѣ хорошаго кроватка, тутъ бы пала.
„Тутъ бы пала, молоденька, запропала.
„Ужъ я великій весь денечекъ пролежала.
„И осенню-темну ночку не сыпала,
„Все изъ горницы во свѣтлицу гуляла —
„Золоты ключи въ рученькахъ держала,
„Свой любимый новый шкапикъ отмыкала,
„Всю хрустальную посуду, разбирала,
„Я повибрала стаканникъ, кой поболь,
„Кой поболь всѣхъ потонѣ, всѣхъ повыше,
„До полна я сладкой водки наливала.
„Своему другу милому подавала:
„Прими, выкушай, душа радость — молодчикъ.
„На меня, на молоденьку, не надѣйся,
„Надо мной, надъ молоденькой, зло несчастье,
„Зло несчастье — зло велико взговорено.
„Взговорила меня матушка родима,
„За такого за лихого человекъ.
„За такого, за дураческаго сына...
„Не ему то мною, скареди **), владати,
„Не ему, расканальи, наряжати.
„А владети наряжати дружку милу.

V

Ужъ ты, батюшка свѣтель мѣсяць!
Свѣтель мѣсяць, (3 раза)
Ты свѣтатко, свѣти во всю ночку, (1 разъ)
Во всю ночку (3 раза).
Ты со частыми свѣти со звѣздами, (1 разъ)
Со звѣздами (3 раза).
Съ полуночными свѣти да со лунами, (1 разъ)
Со лунами (3 раза).

**) скрягѣ.

Пьяные огды уѣхали до присутствія—проводить сына, если возьмутъ послѣдняго.

А мать, оставшись дома одинокой, цѣлыя ночи напролетъ тоскуетъ, плачетъ, не спитъ. И чуть въ деревнѣ оказался обыватель устьцилемскій—крестянинъ или какой-либо чиновникъ—спѣшитъ къ нему разузнать о судьбѣ „моленого“.

Пріѣзжій, понятно, не можетъ же знать какого-то Василья, и вотъ старушка, безнадежно пытаясь найти отвѣтъ на наболѣвшій вопросъ, старается очертить вѣѣшность сына

Рослый такой, черноватый, усы небольшие...

Бѣдная, она все еще не забросила миражей, этихъ „можетъ быть“...

Вернется черезъ недѣли-полторы отецъ, разрѣшится вопросъ, и жизнь обездоленной семьи, лишенной своего украшенія мало-по-малу, потечетъ по

Чтобы видно то было добрымъ людемъ, (1 разъ)
Добрымъ людемъ, (3 раза).
Богачамъ то-ворамъ да мироѣдамъ, (1 разъ)
Мироѣдамъ (3 раза).
На кабакъ то итти да вино пити, (1 разъ)
Вино пити (3 раза).
У богатыхъ денегъ много : (1 разъ)
Денегъ много (3 раза).
А съ кабака-ти итти да думу думать: (1 разъ)
Намъ кого же отдать во солдаты (1 разъ)
Во солдаты (3 раза)?
Богача то отдать да протѣвати (1 разъ),
Да протѣвати (3 раза),
А нужняка-то ***; отдать да разорити (1 разъ)
Намъ отдать то, отдать будетъ во солдаты (1 разъ)
Во солдаты (3 раза).
Есть за рѣчкой, есть за рѣчкой, есть за быстрой, (1 разъ)
Есть за быстрой, (3 раза).
Тамъ у вдовушки есть сыночекъ (1 разъ)
Есть сыночекъ (3 раза).
Такъ отдадимъ его мы во солдаты, (1 разъ)
Во солдаты (3 раза).

VІ

Ужъ какъ сядемъ-ка, ребята, на зеленый лугъ,
На зеленый лугъ, ребятюшки, во единой кругъ.
Мы подумаемъ, ребятюшки, думу крѣпкую,
За поемъ ка-ся, братцы, мы пѣсню новую,
Мы которую пѣсню пѣли на синемъ морѣ,
Что на батюшкѣ на „Соколѣ Черномъ“ кораблѣ.
Мы не пѣсню-то пѣли, горе мыкали,
Утѣшали-то мы молоденька полковника:
Не бывалъ то ли нашъ полковничекъ на синемъ морѣ,
Не видалъ-то ли нашъ полковничекъ
Страсти, ужасты, погодушки синеморской
Разыгралася погодушка на синемъ морѣ,
Всколыбалося сине море со краю на край,
Помутились у полковничка очи ясны,
Опустились у полковничка ручки бѣлы
Подкосились у полковничка но и рѣзвы,
Помѣшалась у полковничка мысль со разумомъ.
Какъ упалъ-то ли нашъ полковничекъ во сине море.
Соскакали-ли ли то тутъ матросики въ легки шляпочки,
Сохватали полковничка за русы кудри.
Еще спалъ, то ли, лежалъ полковничекъ трои суточки,
На четвертыя то суточки пробуждается,
Не отъ крѣпкой хмелинушки просыпается.
Какъ спроговорилъ то нашъ полковничекъ таковы слова:

***) бѣднаго

относительно спокойному руслу обыденщины. Разумѣется, увлечься послѣд-
нею, уйти съ головой въ эту безцвѣтную новую жизнь не можетъ семья..
Какая то томительная, напряженная тишина вопаряется въ домъ и кладетъ
грубый отпечатокъ на всю дѣятельность, работу оставшихся членовъ семьи.
Какая-то медлительность, лѣнь, безотчетная апатія замѣтна въ каждомъ
движеніи.. И только иногда, время отъ времени, новый порывъ тоски, вско-
лыхнетъ, какъ неожиданно налетѣвшій вихрь, казавшееся забытымъ. спря-

..Еще есть-ли, братцы — ребятушки, такова ладья,
„Чтобы по морю ходила-не качалася?
„Еще есть ли, братцы робятушки, такова трава,
„Чтобы въ полѣ стояла не шаталася?
„Еще есть ли, братцы —ребятушки, таковая мать,
„Отдала сына въ солдаты да не заплакала?

VII

По дорожечкѣ по широкой по московской
Туда шла—прошла,
Туда шла—прошла сила — армія,
Сила армія да конногвардія,
Конногвардія да три полка солдатъ,
Три полка солдатъ — молодыхъ ребятъ.
Всѣ молодые да безбородые (2 раза)
Впереди полка знамена несутъ,
Среди полка артикулъ мечеть.
Позади полка да въ барабаны бьютъ.

Ружья свѣтѣютъ,
Ружья свѣтѣютъ, да замки крѣпко бьютъ...
Замки взбрякали, солдаты всплакали,
Да во походъ пошли.
Во походъ пошли, да во дорожечку..
Еще гдѣ, братцы, будемъ девъ дневать
Ужъ мы день дневать да день коротать?
Будемъ день дневать да въ чистомъ полѣ.
Ночь коротать во сыромъ бору,

Да во темномъ лѣсу.
Во темномъ лѣсу да во сосновомъ,
Мы подъ сосенкой да подъ жарвоюю,
Поль яблонькою да поль кудрявою.
Намъ постелюшкой—мать сыра земля.
Намъ взголовьицеиъ—зло кореньице,
А одѣяльникомъ — вѣтры буйные.
Разбужданьице — сабля вострая.
Сабля вострая да пуля быстрая,
Умываньице — частый мелкій дождь.
Утраваньице — мурава трава

VIII

Ужъ ты голубъ мой, голубочекъ,
Сизокрыленькій воркуночекъ,
Ты зачѣмъ ко мнѣ въ гости не летишь,
Развѣ домичка моего не знаешь?
Голосочка моего не слышишь?
Развѣ мой голосъ вѣтричкомъ разноситъ —
Чисто крылье твое дождемъ мочить,
Что осеннимъ, сизый, поливаетъ...
Не двѣ ласточки вокругъ сада летаютъ,
Двѣ касаточки къ землѣ припадаютъ,
Про мила дружка вѣсточку приносятъ,
Будто мой милый сидитъ во засадѣ,
Во засадѣ сидитъ—во темной темницы.

IX

Ночесъ молодцу—
Мнѣ мало спалось,
Мало спалось молодцу,
Во снѣ видѣюсь.

Привидѣлся молодцу
Нехорошій сонъ,
Будто меня молодца,
Добрый конь разнесъ.

тавшееся въ тайники души, горе и острой, жгучей болью ;azoleтся по
всему тѣлу...

Ждутъ, не дождутся вѣсточки, чтобы самимъ отвѣтить, излить нако-
пившуюся скорбь. И часто, очень часто въ ворохѣхъ наклоновъ, наполняющихъ
съ излишкомъ весь измятый, вчетверо сложенный листъ бумаги, поклоновъ
отъ „деди“, свата Ивана, кумы Марьи, скользить милая солдатскому сердцу
вѣсточка: „а денегъ мы вышлемъ вскорѣ, сейчасъ еще не читались (не про-

Добрый конь вороненькй
Подъ браннымъ ковромъ,
Подъ браннымъ коверышкомъ,
Во черкесскомъ сѣдлѣ,
Въ черкесскомъ сѣдельчикѣ,
Въ тесьмянной узлѣ.
Свалилась у молодца
Шапка съ головы,
Не простая шапочка,
Съ кисточкой картузь.

Знать то мнѣ молодцу
Во несчастьи быть,
Во такомъ несчастьицѣ--
Въ солдатахъ служить,
Моей молодой женѣ
Вѣкъ солдаткой слыть,
Моимъ малымъ дѣточкамъ --
Вѣкъ сиротовать,
Моимъ отцу съ матушкой--
Рѣки слезы лить.

X

За Дунаемъ, за рѣкой—тамъ казакъ—отъ гулялъ
Съ милой сашенькой *), съ вострой сабелькой.
Изъ вострой-то сабли огонекъ вылеталъ,
Огонекъ вылеталъ—казакъ травочку рвалъ,
Казакъ травочку рвалъ - на огонечекъ клалъ,
На огонечекъ клалъ—самъ раскладывалъ,
Свои раны казакъ перевязывалъ,
Что къ ранамъ казакъ да приговаривалъ:
„Ужь вы, раны мои, да вы тяжелыя мои,
„Тяжелы-то тяжелы, до сердца раны дошли.
„До сердца раны дошли, кровью сердце обошли.“
Что при смерти казакъ коню наказывалъ:
„Ужь какъ ты, мой конь, да, конь вороненькй мой,
„Ты побѣжить-кось, мой конь,
„Да по дорожечкѣ вдоль,
„По дорожечкѣ вдоль, къ отцу—матушкѣ родной,
„Ты снеси-кось, мой конь,
„Отцу матушкѣ поклонъ,
„Молодой моей женѣ на особинѣ скажи“...
Какъ встрѣчала коня родна матушка,
Убиралъ-то коня да родной батюшка,
Запускала коня молода его жена,
Запускала коня сама выпрашивала:
„Ужь ты, конь-ли мой конь,
„Конь вороненькй мой,
„Ты скажи-кось мнѣ, конь,
„Гдѣ хозяйинъ-отъ твой?“
— „За Дунаемъ, за рѣкой
„Среди поля лежитъ“...

По содержанию рекрутскія пѣсни часто далекою поотстали отъ настоящей
жизни. Обстановка, поскольку она „выявлена“ въ нихъ, говоритъ о быломъ, дорефор-
менномъ времени. Но ихъ, повторяю, поютъ и теперь, въ старые мѣха влагая безу-
тѣшную скорбь настоящаго. Впрочемъ, причемъ тутъ слова? Они теряются въ кучѣ
прибавлений э-а-о; мотивъ же грустный, тоскливый неизбывно преобладаетъ въ пѣ-
сняхъ, такъ же стойко и упорно держится онъ теперь, какъ и прежде. А въ этомъ-то,
въ интонаци, минорныхъ нотахъ и есть „душа“ случая, вся „соль“ дѣйствія. Горе—
остается горемъ. А слова—будь они или не будь... Важно вѣдь, конечно, не то, что
сказано, а какъ... Поэтому то и население эти пѣсни ставить на какой то особенный
пьедесталъ, бережетъ ихъ, поетъ въ исключительныхъ случаяхъ, не снабжаетъ излюб-
ленной похабиной... И сказать — „рекрутскія“—это, значитъ, уже многое сказать.

*) Шашкой.

изводили расчеты съ Иваномъ Васильевичемъ. Если ничего не причитается, то раздобудемъ гдѣ либо на сторонѣ, хотя трешницу. А которую намъ обѣщаль—вышли карточку (фотографическую).

И обязательно присылаются периодически эти „рублевники“, скопленные, понятно, не безъ урѣзыванія самыхъ насущныхъ потребностей..

А тамъ—потомъ, когда воротится сынъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, зарубцуется, затянется семейная рана, какъ полынья ледкомъ, и только зобразный шероховатый рубецъ будетъ краснорѣчиво безмолвно напоминать о быломъ сотрясеніи, которое не безъ боли вынесла эта крестьянская

А. Г. Ивановъ.